

Последние драконы

Из своей поездки на планету Нью-Гельвеция Кора Орват привезла кота Колокольчика, существо пушистое, добродушное, сообразительное и привязчивое. У Колокольчика был один недостаток, который был очевиден для всех, кроме самой Кору: котик был ростом с немецкую овчарку, а при нужде мог прыгнуть на десять метров. Когда он мурлыкал, окружающим казалось, что включили отбойный молоток. Колокольчик обожал Кору и готов был защищать ее от всех врагов сразу. Но комиссар Милодар, прямой начальник Кору, категорически возражал против того, чтобы Кора взяла котика на Южную Педанту.

– Ты летишь на мирную цивилизованную планету, – говорил он, расхаживая по гостиной своего скромного дома в Абрамцево. – Хороша ты будешь, когда появишься там со своим монстром.

Котик, который лежал у ног Кору, приподнял голову, приоткрыл зеленый глаз и не мигая уставился на комиссара.

– Почему вы его не любите? – спросила Кора. – Колокольчик никогда никому не причинил вреда.

– Он объявлен вне закона Лигой защиты собак, – поправил Кору Милодар.

– Несчастному песику не следовало кидаться на Колокольчика из-за угла. Котик даже не заметил, как его проглотил.

– Вот именно, – сказал Милодар.

– Давайте я не полечу на эту Педанту, – предложила Кора. – Я еще не догуляла отпуск, баба Настя меня ждет. Отпустите меня, комиссар.

– Я бы рад, – ответил комиссар. – Но, к сожалению, преувеличенная слава обгоняет твои действительные возможности. Правительство и народ Лиондора просят, чтобы мы прислали именно тебя.

– Тогда только с котиком, – быстро сказала Кора. – Он мне спас жизнь на Нью-Гельвеции, и я обещала всегда брать его с собой в командировки.

Котик заурчал так, словно включили двигатель танка. Он все понимал, но не умел разговаривать.

Молодая жена Милодара Макбетта, бывшая синхронная пловчиха, даже дома не расстающаяся с прищепкой для носа, принесла

кофе. Она осталась в комнате и слушала разговор старших.

– Я думаю, – гнусаво сказала она, – что в твоём котике, Кора, заключен заколдованный принц. Или король. Это бывает.

Котик перестал урчать и негромко мяукнул, не спуская взгляда с прекрасной пловчихи.

– Не мели чепухи, Макбетта! – оборвал жену Милодар.

– Не хами, ты за это заплатишься, – предупредила Макбетта. – И если я до тебя не доберусь, то это сделает моя сестра.

Милодар поежился. Он уже жалел, что в прошлом году женился сразу на двух близняшках, синхронных пловчихах Джульетте и Макбетте. Макбетта отличалась бешеным характером, Джульетта была доброй, сдержанной, покладистой, но безудержно ревнивой. Месяц назад она уже отравила мужа, но Милодар ее, разумеется, простил.

Макбетта показала издали седому красавцу мужу небольшой сверкающий стилет и покинула комнату. Колокольчик поднялся было, чтобы последовать за этой женщиной, но Кора прикрикнула на него, и котик улегся у ее ног.

– Боюсь, что в прошлой моей жизни я был псом, – сказал Милодар. – Что-то у меня не складываются отношения с кошками.

Кора подумала, что Макбетту он, очевидно, относит к кошкам.

– Расскажите, что там произошло на Южной Педанте, – попросила Кора, чтобы увести разговор со скользкой дорожки.

– Неприятная история, – откликнулся Милодар, который тоже был рад переменить тему разговора. – Можно сказать, трагедия для правительства и народа Лиондора.

– Говорите проще, – попросила Кора, почесывая котика за ухом.

– На Южной Педанте, – продолжал комиссар Милодар, словно не слышал замечания своего агента, – расположено десятка два государств и королевств. Лиондор – далеко не самое большое, но зато самое древнее из них. В том государстве есть национальная реликвия – небольшая стая драконов.

Милодар включил экран, и на нем Кора увидела весьма неприятного вида чудовище изумрудного цвета, с мордой ископаемого динозавра. При дыхании из ноздрей вырывались

струйки дыма и, как показалось Коре, вспышки пламени. Лениво и величественно поглядев на экран, дракон, словно его попросили об этом, расправил свои гигантские перепончатые крылья и торжественно пыхнул черным дымом.

– Сытый, – заметил Милодар. – Когда они голодные – чистый огонь идет.

– Какой размер? – спросила Кора.

– Высота в холке до десяти метров. Но обычно они куда мельче, метров пять-шесть. Зато среди них встречаются двух – и трехголовые уроды, они относятся к особо ценным хищникам, занесены в Золотую книгу редких животных Галактики.

– Они где живут? В лесу?

– Насколько мне известно, – ответил Милодар, – в природе драконов давно уже нет. Драконов разводят в неволе. Раньше, когда страной правил король, на драконах летали его гвардейцы. Сейчас драконов осталось мало, они плохо размножаются и часто болеют, да и королей уже нет. Но драконы остаются символом государства. И раз в году, на День Величия, драконов выпускают в полет над столицей. Это, скажу тебе, незабываемое зрелище.

– Они приручаются?

– Да, они приручаются. И, несмотря на их репутацию, драконы миролюбивы и даже добры! Особенно привязываются к тем, кто их кормит.

– И что случилось?

– Погоди, не торопи меня. Я должен сказать, что в последние годы, став республикой, Лиондор переживает трудные времена. Среди политиков и экономистов бытует мнение продать всех драконов богатым развитым соседям и пустить деньги на развитие современной промышленности. Но, разумеется, общественность против. Особенно возражают национал-патриоты. Они приводят в качестве аргумента старинное предсказание: «Когда последний дракон покинет Загон, погибнет страна Лиондор». Примерно так... я не силен в поэзии.

Милодар произнес последние слова с горьким чувством человека, у которого только один недостаток и он лелеет его, чтобы не вознестись на небо ангелом. Но Кора знала, что вознесение живьем на небо Милодару не грозило: помимо поэзии, он ничего не смыслил в музыке, живописи и хороших манерах.

– И что же произошло?

– Драконы стали исчезать.

– Куда?

– Никто не знает. Из семи государственных драконов уже исчезло четыре. По состоянию на сегодняшнее утро.

– А как их держат? В зоопарке?

– Моя крошка заинтересовалась, – констатировал комиссар. – Вот прилетишь в Лиондор, там тебе все расскажут.

– Только с котиком.

– Только без котика.

– Почему же?

– Потому что первый же дракон сожрет твое животное.

Котик фыркнул. Не боялся он заморских драконов.

– С таким же успехом он может сожрать и меня, – заметила Кора.

– Не исключено, – согласился Милодар. – Такие случаи в нашей практике бывали. Но ты сама избрала себе такой путь. Так что терпи.

– Спасибо. Буду терпеть до последней клетки моего тела.

Милодар критически оглядел свою подчиненную. Все видимые клетки тела Коры Орват были вполне привлекательны. И хоть на беседу со своим начальником она явилась в скромном стального цвета платье, а единственным украшением на ней была нить розового жемчуга, аура соблазнительницы была неотделима от Коры. И уже не раз ИнтерГалактическая полиция использовала это качество своего агента № 3 в интересах справедливости.

В разговоре комиссара и Коры наступила пауза. Задание было получено, дружеский совет комиссара учтен, котик лежал у ног Коры и делал вид, что дремлет, в кабинет заглянула Джульетта с кувшином шербета, но Милодар отослал ее прочь ленивым движением руки...

– Итак, – сказал он, поднимаясь, – место на лайнере «Тайна Тускароры» тебе забронировано. Каюта второго класса...

– Опять второй класс! Без ванны!

– В этом году я получил уже два выговора за перерасход валюты, – мягко возразил Милодар.

– Но я не сомневаюсь, что моя командировка оплачивается Лиондором.

– А налоги! – вскинулся Милодар, который не выносил, когда его ловили за руку. Милодар, как и все руководство ИнтерГпола, не тратил лишних копеек на подчиненных. – А комиссия по проверке при Организации Объединенных Планет? А ревизия? А твои идеалы, наконец?

Обращение к идеалам было последним аргументом Милодара. В любом споре. С его точки зрения, все агенты ИнтерГпола должны были состоять в идеалистах. На него же это правило не распространялось.

– Если во втором классе, – твердо сказала Кора, – то вместе с котиком.

– Но ему билета не будет! Повезешь за свой счет. Это чуть больше твоего годового гонорара.

Котик вздохнул, поднялся и вышел из комнаты. Он понял, что это путешествие ему придется пропустить.

– Так бы и говорили с самого начала! – огрызнулась Кора. – И не надо было ссылаться на Лигу защиты собак.

Милодар был доволен. Он всегда радовался,

когда мог сэкономить деньги своей организации.

– Желаю тебе успеха, – произнес он искренне.
– Возвращайся скорей. И умоляю, без нужды не подходи к драконам.

– Я постараюсь, – сказала Кора.

– Суточные и билеты получишь у Сильвии-Луизы, – напомнил он. – Дай я тебя поцелую на прощание.

Он положил сильные руки ей на плечи и притянул Кору к себе. Его голубые глаза смеялись, от загорелой кожи пахло хорошим мужским одеколоном. Прохладные обветренные губы коснулись уголка ее губ...

Кора чуть отстранилась и спросила:

– А сейчас вы голограмма или на самом деле?

Будучи осторожным и предусмотрительным человеком, Милодар редко кому показывался в истинном виде. Злые языки утверждали, что это случается лишь на супружеском ложе, хотя и его жены не могут дать такой гарантии.

– Эх, – Милодар легонько оттолкнул Кору и вернулся к своему креслу, – испортила такую песню!

– Когда вылетать? – спросила Кора, улыбаясь одними глазами. Она была рада, что смогла вывести из себя этого бессовестного комиссара.

– Машина ждет внизу, – ответил Милодар, закуривая гаванскую сигару. Последнее слово осталось все же за ним.

*

На космодроме республики Лиондор Кору встречали высшие чины государства. Они были одеты одинаково, ибо в той стране издавна существуют строжайшие правила соответствия одежды обстоятельствам. На пир, на свадьбу, на рождение, на похороны, на встречу бабушки на вокзале или на встречу тети в морском порту существуют свои правила. Рождаясь, каждый гражданин Лиондора получает толстую, переплетенную в кожу Книгу Одежд. Это Главная Книга Жизни. Теперь, когда в стране временно господствует демократия, казни за грубые ошибки в одежде и тюремное заключение за ошибки незначительные отменены. Но это не означает, что их можно допускать, – система штрафов осталась и действует, хоть и не столь эффективно, как система страха. Многие недовольны происходящими в стране событиями, но некоторые безрассудные

граждане, особенно подростки, принялись надевать что придется, бросая вызов обществу. И потому с каждым днем все громче раздаются призывы патриотов: «Вернуть стране порядок и страх! Без этого мы скатимся в бездну анархии».

Разумеется, безответственных подростков на космодроме не было. Несколько человек, в основном пожилых, были облачены в темно-синие сюртуки, блестящие черные котелки с прикрепленными к ним позолоченными значками, изображающими Землю. На левом плече у каждого располагался спящий жук Рестиния Регус, символически обозначающий просьбу оказать помощь в беде, а обшлага были обшиты тонким белым кантом, указывающим на траур потери. Остальные детали туалета встречавших, хотя и важны для взгляда лиондорца, для наших читателей не так существенны.

– Мы рады приветствовать вас на нашей земле, – сообщил от имени встречающих Кораллий, десципон Загона, второй конверсий реанимозы.

Кора с трудом разбиралась в чинах и должностях этих людей, так как, помимо схожей одежды, они соблюдали схожее, предусмотренное этикетом выражение лиц. Лишь фотографическая память Кору, проведенной

сутки в каюте второго класса лайнера «Тайна Тускароры» за изучением местной прессы, энциклопедии «Кто есть кто в Лиондоре» и «Большого толкового словаря выражений и обычаев лиондорского общества», помогла ей приблизительно отличать хотя бы десципонов от парраниев различного ранга.

– Не теряя надежды на то, что ваше чуткое сердце, мадам Кора, отзовется на нашу беду, мы в то же время не смели надеяться на то, что вы сможете уделить малую толику вашего драгоценного времени...

Рядом с десципоном стоял немолодой бледный мужчина с редкими волосами, зачесанными поперек лысины, и в коротких штанишках со штрипками. Он негромко повторял речь десципона, глядя при том на Кору.

У десципона был тоскливый, занудный голос, словно он выговаривал нерадивому ученику. Кора перестала вслушиваться в бесконечную речь и украдкой оглядывала первый клочок Лиондора, который попал в поле ее зрения. Разумеется, космопорт – не самое типичное место для того, чтобы ознакомиться со страной, но все равно он лучше, чем все энциклопедии, вместе взятые. Вот сидит у стены джентльмен в высоком черном цилиндре и полосатом костюме. Он играет на лютне что-то грустное и занудное, как речь

десципона, вот вереница девочек в серых платьях с белыми воротничками, пританцовывая, пересекает зал. Впереди – девица постарше, платье у нее подлиннее, а воротничок желтый. Все это что-то значит, но Кора не помнит что! А вот женщина под такой плотной черной вуалью, что кажется, будто она носит чадру, и в черных очках, одетая в бесформенную брезентовую тогу, подпоясанную черным широким ремнем. А вот и вовсе странное существо – молодой человек в темно-розовом костюме с большой бабочкой, вышитой на груди, и ананасом – на спине.

Мимо джентльмена в черном цилиндре проходит стюардесса с линии «Синяя орхидея». Стюардесса достает из кошелька монету и протягивает музыканту. Не прекращая играть на лютне, музыкант поворачивается так, что перед рукой стюардессы оказывается отвисший боковой карман сюртука. Стюардесса кидает туда монету. Этот ее жест видит одна из девочек, что проходят мимо, девочка бежит через зал к музыканту и пытается залезть к нему в карман. Начальница девочек догоняет ее, дает подзатыльник, отнимает монету и прячет себе за щеку – вся эта драматическая сцена занимает не более минуты, и свидетелями ее, кроме Кору, оказываются многие пассажиры и иные посетители этого зала, но никого она не

удивляет... К женщине под чадрой подходит подвыпивший механик с «Тайны Тускароры». Кора помнила его, потому что он не оставлял ее знаками внимания весь рейс. Он обнимает девицу за плечи, та сбрасывает его руку, оглядывается, но покорно уходит за механиком. Кора вспоминает строки из этнографического справочника: «Проституция считается в Лиондоре пороком особо позорным, и потому женщины легкого поведения обязаны скрывать свои прелести и одеваться так, чтобы ничем не привлекать внимание мужчин. Разумеется, мужчины, наученные опытом, наиболее падки на плохо одетых женщин...»

– Очевидно, вы устали с дороги? – спросил Кору пожилой мужчина в коротких штанах, потому что, заглядевшись, Кора не заметила, как десципон завершил приветствие. Теперь все ждали, будет ли Кора произносить ответную речь.

– О да! – сказала Кора, стараясь воспроизвести наиболее вежливую из интонаций в лиондорском языке. – Я благодарна вам за прием, но я очень устала с дороги и, если возможно, хотела бы отдохнуть.

Все десципоны, паррании, мавляки и вице-карреон, что встречали Кору, принесли ей свои извинения за то, что ей пришлось выслушивать

речи, и проводили ее до машины, которая будет отныне в ее распоряжении. У машины расстались. С ней остался лишь немолодой человек в коротких штанишках.

– Я ваш переводчик, – сообщил он Коре. – Я буду вам помогать.

– Спасибо, – сказала Кора. – Но я выучила ваш язык в лайнере. Да и кто в наши дни учит языки, когда любой можно одолеть за сутки?

– Вы совершенно правы, моя госпожа, – согласился немолодой человек. – Но каждый должен выполнять свой долг до конца. Государство потратило большие деньги на мое обучение. Я до конца дней своих буду ему обязан. Я должен перейти в седьмой разряд, тогда я получу право на длинные штаны. А для этого необходимо удачно отработать с инопланетной делегацией. Вот вы и есть моя работа.

– Значит, мне от вас не отделаться?

– И не мечтайте, – смущенно улыбнулся переводчик.

– Но вы обещаете, что не будете переводить?

– А я вашего языка почти не знаю.

– И не будете мне помогать?

– Запрещено!

– А если я вас очень попрошу? – спросила Кора.

– Только никому ни слова!

Переводчик вздохнул с облегчением. Он был так взволнован, что вынужден был опереться пальцами тонкой руки о плечо Кору.

– Спасибо, – прошептал он. – Мои молитвы были услышаны.

– За что вы меня благодарите?

– Поймите же, госпожа Орват, у нас, в нашей бедной, разоренной, отсталой, но гордой стране, нельзя менять профессию. Если ты выучился на переводчика, то будешь переводчиком до конца своих дней. Но если вы меня попросите лично, я могу исполнять ваши другие просьбы. Вы всем говорите, что я перевожу, а я на самом деле вам способствую!

Он готов был снова и снова повторять свою речь, но Кора, которая все уже поняла, перебила его:

– Как вас зовут?

– Меррони. Меррони Краппиги. Но для вас просто Меррони или даже Мери.

– Спасибо. Зовите меня Корой. Вы умеете водить машину?

– Понимаете, госпожа Кора, – опечалился переводчик, – для вождения машин существуют шоферы. Я же не отношусь к их числу, потому что даже бедный переводчик выше рангом, чем самый лучший шофер, не считая, конечно, правительственных.

– А если попросить?

– Лично?

– Лично.

– Все равно не умею. Всю жизнь хотел, но машина мне не положена.

– Хорошо, водить машину буду я, – сказала Кора, обходя старый, привезенный с Арктура правительственный лимузин и открывая дверцу.
– Садитесь рядом.

Рядом переводчик не сел. Переводчикам не положено сидеть рядом с шофером, потому что

переводчики куда как превышают шоферов рангом, тем более переводчику не положено садиться рядом с госпожой, которую он обслуживает, потому что госпожа, которую он обслуживает, значительно превосходит его рангом. Положение почти безвыходное, так что переводчик расположился на заднем сиденье, а Кора повезла его в гостиницу.

Некоторые особенности жизни в гордом, но небогатом государстве Кора ощутила в гостинице «Брустоль». Оставив переводчика в холле дожидаться, пока она приведет себя в порядок и переоденется, Кора поднялась к себе в номер «люкс».

Раскрыв сумку, Кора вытащила оттуда чистое белье и рабочее платье, которое соответствовало званию Инопланетной Гостьи высокого разряда, находящейся в Лиондоре с заданием особой важности. Платье она разложила на кровати, разделась и направилась в ванную.

Для того чтобы Кора не ошиблась, на дверях ванной было написано «Мытье» на восьми языках. Кора вошла внутрь и очутилась в крошечной кабинке, где с трудом помещалась дырявая лейка душа. К счастью, в душе была вода, прохладная, но не ледяная, и Кора, которая за свои долгие скитания привыкла, что в гостиницах вообще воды не бывает, отнеслась к

такому душу философски.

Когда же она спустилась в холл, переводчик Мери, который читал газету, вытянув в проход волосатые ноги переростка, спросил ее:

– Ну как там, в «люксе»?

Кора отметила, что тон его изменился к худшему и, видно, его придется воспитывать скорее кнутом, чем пряником.

– Отлично, – ответила Кора, – я в жизни еще не видела такого комфортабельного и уютного номера.

Склонившись к стойке, портье улыбнулся ей, и Кора поняла, что каждое ее слово здесь тщательно фиксируется.

– Говорят, здесь есть ванны, – тихо пропел Мери. – Мечта жизни.

– Ах, как жаль, что вы не сказали мне об этом раньше! – ответила Кора. – Я бы показала вам замечательную ванну, которая находится в моем номере!

– Но в будущем...

– В будущем, – Кора первой пошла к выходу, –

вы будете иметь возможность поплескаться в ней. Только не забудьте захватить с собой свежее полотенце.

– Разумеется, обязательно!

Портье поманил Кору пальчиком. Был он респектабелен, сух и затянут в костюм, указывающий не только на должность, но и на то, что его мама страдает от артрита, а папа похоронен на Юго-Западном кладбище.

– В чем дело? – строго спросила Кора.

– Простите, дама, – произнес портье с почтительным придыханием, – но посторонним лицам запрещено пользоваться нашими ванными и уборными.

– Спасибо за то, что вы напомнили мне об этом, – вежливо ответила Кора. – Кстати, замечу вам, что при всех достоинствах вашей гостиницы ей свойственны ничтожные недостатки.

– Не может быть!

– Например, советую вам поместить в туалет туалетную бумагу, в ванную – мыло и полотенце, а на кровать – простыни.

– Это клевета...

Но тут в разговор вмешался переводчик.

– Вам позвонят! – прошипел он. И показал пальчиком вверх.

Портье проследил за направлением пальца и нагло ответил:

– Буду ждать.

Когда они вышли к машине, переводчик спросил, глядя в сторону:

– А ванна-то есть?

– Вас это интересует?

– Когда я был мальчиком, мы гуляли мимо гостиницы, и моя бабушка говорила, что если я буду хорошо учиться, то когда-нибудь смогу пожить в такой гостинице и помыться в настоящей ванне.

– Там очень неплохой душ, – сказала Кора.

– И за что только деньги берут! – вырвалось у переводчика, который с трудом пережил гибель детской мечты.

Но тут же Мери утешился:

– Зато, – сказал он, – у нас лучшие в мире

драконы.

*

Лимузин, прозванный Корой скарабеем за зеленоватую солидность и навозные запахи, накопившиеся в его потертых сиденьях за десятилетия честной службы отечеству, два раза глохнул в пути. Коре приходилось тормозить у обочины, открывать капот и распутывать следы предыдущих ремонтов и починок.

При виде красивой молодой женщины, одетой по-иностранному, копающейся в нутре государственного лимузина, вокруг сразу собиралась молчаливая толпа, застенчиво и неотрывно глядевшая не столько на автомобиль, сколько на саму Кору. Прохожие вели себя как сбежавшие от семьи чиновники в порнографическом кинотеатре.

Переводчик Мери ни разу не покинул лимузина, потому что, оказывается, ему не положено было находиться рядом с низкого ранга существом, которое чинит автомобиль. Двойственность Кору его не смущала: в сущности, она была иноземкой, а от иноземцев можно ждать любого безобразия, но собственную репутацию приходилось беречь.

– Зря вы все-таки этим занимаетесь, – сообщил он Коре после второй поломки. – Не очень это прилично. Мы же не знаем, кто там на вас смотрит.

– Вы предпочли бы сидеть в машине и ждать?

– К нам бы обязательно прислали ремонтную бригаду, – возразил Мери.

– Что-то я ни одной не заметила.

– Мало у нас ремонтных бригад, – признался Мери. – Совершенно недостаточно.

Как и положено жителю бедного, но честного Лиондора, он презирал любого иноземца, который уже в силу своего рождения не мог быть достаточно честным и благородным, но в то же время он страшно завидовал той жизни, которую вела Кора, тем мирам, где она бывала, тем вещам, которые она видела или приобретала. Мери тянулся к своей начальнице, но в то же время не мог не презирать ее.

После путешествия через весь город, которое оказалось куда более долгим, чем Кора полагала, они оказались перед воротами Загона.

Въезд в Загон представлял собой некогда великолепное сооружение из кирпича, бетона и

мрамора, имитирующее вход в древний рыцарский замок. К башне, в которой скрывались ворота, можно было пройти только по подъемному мосту, перекрывавшему ров. К сожалению, ров давным-давно высох, в нем выросли кусты и даже деревья, достававшие вершинами до моста и подпиравшие его. К тому же посетители Загона считали своим долгом кидать в бывший ров бумажки от конфет, пакетики из-под орехов и другие ненужные вещи. Некоторые из вещей гнили, и потому из рва поднимался легкий запах тления.

Сами ворота давно были открыты, потому что их правая створка сорвалась с верхней петли, а левая осела так, что углом утонула в утоптанной мостовой.

Башня обветшала, мраморные плитки большей частью осыпались и были растащены обывателями, а под ними обнаружили бетон и арматура.

У ворот, торжественно одетые для встречи Инопланетной Гостьи, прибывшей для выполнения своего Долга, стояли оба десципона (бородатый и безбородый), а также старший драконослужитель, драконокормилец и чины бухгалтерии. Начинался дождик, и встречавшие сгрудились под башней, возле переносного столба с надписью на белом квадрате:

«ЗАГОН ЗАКРЫТ. КАРАНТИН».

Уже знакомый Коре главный десципон Загона вышел вперед и погладил Кору по плечу в знак нежной любви. Его примеру последовали остальные. Последним этот акт совершил драконокормилец, грузный молодой мужчина со скорбным взглядом, в черной холщовой накидке и котелке набекрень. Кора подумала, что этот кормилец наверняка недокармливает драконов.

– Мне переводить? – спросил переводчик Мери, когда десципон начал приветственную речь.

– Можете не стараться, любезный, – остановила его порыв Кора.

– Счастье, которое испытываем мы, скромные служители драконьего фронта, – талдычил десципон, – при виде столь высокой гостии, которая нашла время, чтобы посетить нас и заглянуть с нашей помощью в глубь проблемы, которая, хоть и может показаться ничтожной в масштабе тех свершений и дел, которые свойственны современному Лиондору, беспокоит нас, работников Загона, так как для нас нет дел мелких и ничтожных...

Кора кашлянула.

Десципон сделал паузу и почесал седую бороду, намереваясь продолжить речь. Мери понял кашель Кору как указание к действию. Он сделал шаг вперед и возвестил: – Госпожа агент Кора Орват с благодарностью выслушала речь господина десципона и готова проследовать для осмотра Неповторимого Загона.

Господин десципон замолк и остался стоять с полуоткрытым ртом, так как правила игры были нарушены, а в таком случае он не знал, что надо делать. Тогда инициативу взял в свои руки второй, безбородый десципон, явный либерал и, может быть, диссидент.

– Пойдемте, – сказал он, – с утра ждем.

Они проследовали в Загон, своего рода зверинец, однако приспособленный для одного лишь вида хищников.

Миновав низкую арку башни, они оказались в широком проходе, огражденном с обеих сторон толстыми железными решетками. За решетками располагались загоны для драконов, подобные тем, что устраивались в зоопарках для белых медведей: площадка, покрытая песком и щебенкой, спускающаяся к небольшому бассейну с несвежей водой, по сторонам и сзади круто

поднимающаяся стена, в которой полукругом чернел вход в пещеру – убежище зверя.

Пока глаза Кору обзревала пустые загоны для драконов, ее ноздри судорожно сжались, стараясь не пропустить внутрь застарелую вонь, заполняющую эту местность. Коре представилось, что драконы живут здесь несколько сот лет и упорно гадят под себя, к тому же страдают несварением желудков.

– Сюда и детей водят? – спросила Кора саму себя, но Мери услышал и тут же спросил у десципона:

– Водят ли сюда на экскурсии детей и подростков, уважаемый десципон?

Престарелый первый десципон растерянно обратился к драконохранителю, тот посмотрел на драконокормильца. Толстый кормилец ответил:

– Детей сюда и водят. Очень помогает. Особенно если непослушный ребенок.

– А где же драконы? – спросила Кора, мечтавшая об одном: уйти отсюда, улететь с этой планеты как можно дальше и никогда в жизни не искать более драконов.

– Здесь был Ослепительный. – Кормилец

подвел Кору к картинке, нарисованной на жестяной табличке, прикрепленной к решетке. Кора потрогала ржавый прут решетки – толщиной он был с человеческую руку, что заставляло с уважением относиться к силе драконов.

Кормилец дернул за рукав переводчика, и тот пришел Коре на помощь.

– Вот здесь, – сказал он, – вы видите изображение обыкновенного дракона, проживающего в нашем Загоне.

– Вы читайте, читайте! – попросил переводчика кормилец.

– Читаю! – Переводчик не любил, когда им помыкали. Кора и без него могла все прочесть, но не стала вмешиваться во внутренние проблемы Лиондора.

Дракон обыкновенный.

Кличка Ослепительный.

Возраст сто шестьдесят три года.

Окрас голубой с коричневым.